

БИЛИНГВА
BESTSELLER

БИЛИНГВА

ANIMAL FARM

George Orwell

BESTSELLER

СКОТНЫЙ ДВОР

Джордж Оруэлл

Москва
2022

Chapter 1

Mr. Jones, of the Manor Farm, had locked the hen-houses for the night, but was too drunk to remember to shut the pop-holes. With the ring of light from his lantern dancing from side to side, he lurched across the yard, kicked off his boots at the back door, drew himself a last glass of beer from the barrel in the scullery, and made his way up to bed, where Mrs. Jones was already snoring.

As soon as the light in the bedroom went out there was a stirring and a fluttering all through the farm buildings. Word had gone round during the day that old Major, the prize Middle White boar, had had a strange dream on the previous night and wished to communicate it to the other animals. It had been agreed that they should all meet in the big barn as soon as Mr. Jones was safely out of the way. Old Major (so he was always called, though the name under which he had been exhibited was Willingdon Beauty) was so highly regarded on the farm that everyone

Глава 1

Мистер Джонс, хозяин Барского двора, запер на ночь курятники, но забыл спяну про лазы для молодняка. Пройдя нетвердыми шагами к черному ходу, так что свет от его фонаря танцевал по сторонам, он скинул сапоги, нацедил из бочонка в буфетной последнюю кружку пива и поднялся в спальню, где уже храпела миссис Джонс.

Как только свет в спальне погас, во всех надворных постройках началось копошение и шуршание. Днем прошел слух, что старый Мажор, призовой хряк породы мидлуайт, увидел ночью странный сон и захотел поведать о нем другим животным. Было решено, что едва мистер Джонс уйдет к себе, они все соберутся в большом амбаре. Старый Мажор (так его всегда называли, хотя на выставках он был известен под кличкой Краса Уиллингдона) имел на ферме такой авторитет, что все согласились недоспать час, лишь бы послушать его.

was quite ready to lose an hour's sleep in order to hear what he had to say.

At one end of the big barn, on a sort of raised platform, Major was already ensconced on his bed of straw, under a lantern which hung from a beam. He was twelve years old and had lately grown rather stout, but he was still a majestic-looking pig, with a wise and benevolent appearance in spite of the fact that his tushes had never been cut. Before long the other animals began to arrive and make themselves comfortable after their different fashions. First came the three dogs, Bluebell, Jessie, and Pincher, and then the pigs, who settled down in the straw immediately in front of the platform. The hens perched themselves on the window-sills, the pigeons fluttered up to the rafters, the sheep and cows lay down behind the pigs and began to chew the cud. The two cart-horses, Boxer and Clover, came in together, walking very slowly and setting down their vast hairy hoofs with great care lest there should be some small animal concealed in the straw. Clover was a stout motherly mare approaching middle life, who had never quite got her figure back after her fourth foal. Boxer was an enormous beast, nearly eighteen hands high, and as strong as any two ordinary horses put together. A white stripe down his nose gave him a somewhat stupid appearance, and in fact he was not of first-rate intelligence, but he was universally respected for his steadiness of character and tremendous pow-

В глубине большого амбара на чем-то вроде помоста с охапкой соломы уже разлегся Мажор — под фонарем, свисавшим с балки. Хряку шел тринадцатый год, и с некоторых пор он погрузнел, но все еще сохранял величавый вид, исполненный мудрости и великодушия, хотя клыки ему никогда не подпиливали. Вскоре начали подтягиваться и другие животные, устраиваясь поудобнее, каждое на свой лад. Первыми явились три собаки, Ромашка, Джесси и Ухват, а за ними свиньи, которые тут же расселись рядком у самого помоста. Куры вскочили на подоконники, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы разлеглись позади свиней и принялись жевать жвачку. Степенно переставляя косматые копыта, пришли двое ломовых лошадей — Боец и Кашка. Они начали топтаться на месте, стараясь не раздавить какую-нибудь мелюзгу в соломе. Кашка была грузной кобылой не первой молодости, раздобревшей после четвертого жеребенка. Боец же — громадная коняга едва ли не в два метра ростом — силой равнялся двум обычным лошадям. Белая отметина на храпу придавала ему глуповатый вид, да он и вправду не блистал умом, но все уважали его за выдержку и поразительное трудолюбие. За лошадьми явились белая коза Мюриел и осел Бенджамин. Бенджамин был самым старым и самым

ers of work. After the horses came Muriel, the white goat, and Benjamin, the donkey. Benjamin was the oldest animal on the farm, and the worst tempered. He seldom talked, and when he did, it was usually to make some cynical remark — for instance, he would say that God had given him a tail to keep the flies off, but that he would sooner have had no tail and no flies. Alone among the animals on the farm he never laughed. If asked why, he would say that he saw nothing to laugh at. Nevertheless, without openly admitting it, he was devoted to Boxer; the two of them usually spent their Sundays together in the small paddock beyond the orchard, grazing side by side and never speaking.

The two horses had just lain down when a brood of ducklings, which had lost their mother, filed into the barn, cheeping feebly and wandering from side to side to find some place where they would not be trodden on. Clover made a sort of wall round them with her great foreleg, and the ducklings nestled down inside it and promptly fell asleep. At the last moment Mollie, the foolish, pretty white mare who drew Mr. Jones's trap, came mincing daintily in, chewing at a lump of sugar. She took a place near the front and began flirting her white mane, hoping to draw attention to the red ribbons it was plaited with. Last of all came the cat, who looked round, as usual, for the warmest place, and finally squeezed herself in between Boxer and Clover;

вредным из всех животных на ферме. Он почти всегда молчал, только изредка отпускал циничные замечания — к примеру, он мог заявить, что Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он бы предпочел, чтобы не было ни хвоста, ни мух. Из всех животных он один никогда не смеялся. Если кто-нибудь спрашивал его об этом, Бенджамин отвечал, что не видит ничего смешного. Тем не менее он привязался к Бойцу, хотя никак этого не показывал; по воскресеньям они обычно паслись вместе в загончике за садом, поглядывая по сторонам и не говоря ни слова.

Как только лошади улеглись, в амбар вереницей вбежали утята, отбившиеся от утки. Они покрякивали и шныряли туда-сюда, пытаясь найти место, где их не раздавят. Кашка вытянула могучую переднюю ногу, огородив их, точно стеной, и утята удобно устроились и сразу задремали. В последнюю минуту зашла, жеманясь и хрупая куском сахара, белая кобылка Молли — хорошенькая дурочка, которая возила дрожки мистера Джонсона. Она заняла место вблизи помоста и начала потряхивать гривой в надежде похвастаться вплетенными в нее красными лентами. Наконец, явилась кошка и, по обыкновению приглядевшись себе самое теплое местечко, втиснулась между Бойцом и Кашкой; там она блаженно промур-

there she purred contentedly throughout Major's speech without listening to a word of what he was saying.

All the animals were now present except Moses, the tame raven, who slept on a perch behind the back door. When Major saw that they had all made themselves comfortable and were waiting attentively, he cleared his throat and began:

“Comrades, you have heard already about the strange dream that I had last night. But I will come to the dream later. I have something else to say first. I do not think, comrades, that I shall be with you for many months longer, and before I die, I feel it my duty to pass on to you such wisdom as I have acquired. I have had a long life, I have had much time for thought as I lay alone in my stall, and I think I may say that I understand the nature of life on this earth as well as any animal now living. It is about this that I wish to speak to you.

“Now, comrades, what is the nature of this life of ours? Let us face it: our lives are miserable, laborious, and short. We are born, we are given just so much food as will keep the breath in our bodies, and those of us who are capable of it are forced to work to the last atom of our strength; and the very instant that our usefulness has come to an end we are slaughtered with hideous cruelty. No animal in England knows the meaning of happiness or leisure after he is a year old. No animal in England is free. The life of an

лыкала всю речь Мажора, не слушая ни единого слова.

Теперь все животные были в сборе, не считая ручного ворона Моисея, спавшего на жерди у черного хода. Когда Мажор убедился, что все удобно устроились и готовы ему внимать, он откашлялся и произнес:

— Товарищи, вы уже слышали, что мне приснился странный сон минувшей ночью. Но об этом я еще поговорю. А сперва скажу кое-что другое. Я думаю, товарищи, что через несколько месяцев меня с вами уже не будет, и прежде, чем я умру, долг велит мне передать вам накопленную мудрость. Я прожил долгую жизнь, многое успел обдумать, лежа в своем закуте, и могу утверждать, что понял, как устроена жизнь на Земле и каковы из себя все живущие ныне животные. Вот об этом я и хочу говорить с вами.

— Так вот, товарищи, как же устроена эта наша жизнь? Давайте признаем, что жизнь наша убога, трудна и коротка. Мы рождаемся, нам дают ровно столько еды, чтобы мы не протянули ноги, а тех из нас, кто пригоден к работе, принуждают трудиться, пока не выжмут все соки; а как только мы перестаем приносить пользу, нас забивают самым чудовищным образом. Ни одно животное в Англии, едва ему стукнет год, не знает ни счастья, ни отдыха. Ни одно животное в Англии не свободно.

animal is misery and slavery: that is the plain truth.

“But is this simply part of the order of nature? Is it because this land of ours is so poor that it cannot afford a decent life to those who dwell upon it? No, comrades, a thousand times no! The soil of England is fertile, its climate is good, it is capable of affording food in abundance to an enormously greater number of animals than now inhabit it. This single farm of ours would support a dozen horses, twenty cows, hundreds of sheep — and all of them living in a comfort and a dignity that are now almost beyond our imagining. Why then do we continue in this miserable condition? Because nearly the whole of the produce of our labour is stolen from us by human beings. There, comrades, is the answer to all our problems. It is summed up in a single word — Man. Man is the only real enemy we have. Remove Man from the scene, and the root cause of hunger and overwork is abolished for ever.

“Man is the only creature that consumes without producing. He does not give milk, he does not lay eggs, he is too weak to pull the plough, he cannot run fast enough to catch rabbits. Yet he is lord of all the animals. He sets them to work, he gives back to them the bare minimum that will prevent them from starving, and the rest he keeps for himself. Our labour tills the soil, our dung fertilises it, and yet there is not one of us

Жизнь животного — это убожество и рабство; это чистая правда.

— Но заведен ли такой порядок самой природой? В том ли дело, что наша земля так бедна, что не может обеспечить достойную жизнь своим обитателям? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Земля Англии плодородна, климат страны благодатен, и она может давать обильную пищу гораздо большему числу животных, чем сейчас ее населяют. Одна наша ферма могла бы обеспечить еще дюжину лошадей, двадцать коров, сотни овец — и все они жили бы в таком раздолье и достатке, какие нам трудно и вообразить. Почему же мы тогда влачим это убогое существование? Потому что почти все плоды нашего труда присваивают люди. Вот, товарищи, и ответ на все наши беды. Он выражается в одном слове: человек. Человек — наш единственный подлинный враг. Стоит убрать человека, и навсегда будут вырваны с корнем голод и непосильный труд.

— Один лишь человек потребляет, но ничего не производит. Он не дает молока, не несет яиц, он слишком слабый, чтобы пахать, слишком медленный, чтобы ловить кроликов. Однако же он властвует над всеми животными. Он заставляет их работать, дает лишь самый минимум, чтобы не подошли с голоду, а остальное берет себе. Наш труд возделывает землю, наш навоз удобряет ее, однако никто из нас не вла-

that owns more than his bare skin. You cows that I see before me, how many thousands of gallons of milk have you given during this last year? And what has happened to that milk which should have been breeding up sturdy calves? Every drop of it has gone down the throats of our enemies. And you hens, how many eggs have you laid in this last year, and how many of those eggs ever hatched into chickens? The rest have all gone to market to bring in money for Jones and his men. And you, Clover, where are those four foals you bore, who should have been the support and pleasure of your old age? Each was sold at a year old — you will never see one of them again. In return for your four confinements and all your labour in the fields, what have you ever had except your bare rations and a stall?

“And even the miserable lives we lead are not allowed to reach their natural span. For myself I do not grumble, for I am one of the lucky ones. I am twelve years old and have had over four hundred children. Such is the natural life of a pig. But no animal escapes the cruel knife in the end. You young porkers who are sitting in front of me, every one of you will scream your lives out at the block within a year. To that horror we all must come — cows, pigs, hens, sheep, everyone. Even the horses and the dogs have no better fate. You, Boxer, the very day that those great muscles of yours lose their power, Jones will sell you to the knacker, who will cut your

деет ничем, кроме своей шкуры. Вот вы, коровы, лежащие предо мной, сколько тысяч галлонов молока дали вы за прошлый год? И что случилось с этим молоком, которым вы могли бы вспоить крепких телят? Все оно до последней капли пошло в глотки нашим врагам. А вы, куры, сколько яиц вы отложили за прошлый год, и из скольких вылупились цыплята? Все остальные пошли на рынок, чтобы Джонс и его люди выручили деньги. А ты, Кашка, где твои четверо жеребят, которые были бы тебе опорой и радостью в старости? Каждого из них продали, едва им стукнул год, — и больше ты их не увидишь. Четыре раза ты вынашивала и рожала, а сколько работала в поле — и что ты получила взамен, кроме скудного пайка и стойла?

— Но и такие убогие жизни у нас обрывают раньше срока. Сам я не жалуюсь, я один из счастливицков. Мне двенадцать лет, и я породил четыре с лишним сотни поросят. Такова естественная жизнь свиньи. Но ни одно животное не спасется в конце от страшного ножа. Вот вы, подвинки, сидящие предо мной, каждый из вас завизжит смертным визгом на бойне — не пройдет и года. Всех нас ждет этот ужас: коров, свиней, кур, овец — всех. Даже у лошадей и собак судьба не лучше. Вот ты, Боец: в тот же день, как ослабеют твои могучие мышцы, Джонс продаст тебя живодеру, который пережжет тебе глотку и сварит твоё мясо на корм